

БОРЬБА С РАСТРАТАМИ И ХИЩЕНИЯМИ В КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛЕ БАШКИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

А. В. Антошкин

МАОУ «Гимназия № 2», Стерлитамак, Россия

На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются причины роста количества имущественных и должностных преступлений в кооперативной торговле Башкирии во второй половине 1930-х гг. Выясняется роль в борьбе с растратами и хищениями самих кооперативных организаций, а также правоохранительных органов республики. Особое внимание уделено степени эффективности профилактики, качеству и срокам расследования дел о растратах и хищениях. В ходе исследования установлено, что росту растрат и хищений способствовал комплекс факторов. С одной стороны, кадровая политика в системе потребительской кооперации в совокупности с низкой квалификацией членов ревизионных комиссий создавала почву для роста количества имущественных и должностных преступлений. С другой стороны, неудовлетворительные результаты в работе правоохранительных органов Башкирии не позволяли добиться взыскания денежных средств с осужденных лиц, в результате чего во многих районах республики организации кооперативной торговли оказались в тяжелейшем финансовом положении.

Ключевые слова: *растраты и хищения, кооперативная торговля, райпотребсоюз, сельпо, прокурорский надзор, исполнительное производство, ревизионные комиссии, Башкирия.*

После отмены карточной системы в 1935 г. на продовольствие и в 1936 г. на промтовары потребительской кооперации Башкирии надлежало наладить бесперебойную торговлю в открытом режиме. При выполнении этой задачи в условиях плановой экономики возникло множество проблем: кооперативные организации были вынуждены работать с крайне ограниченными фондами товаров, к качеству которых возникали серьезные вопросы, к тому же скудный ассортимент не отвечал запросам населения. В то же время рост количества растрат и хищений денежных средств и товаров из магазинов, лавок, складов потребительской кооперации в период, когда по большинству продовольственных и промышленных товаров сохранялась ситуация дефицита, становился угрозой для бесперебойной торговли. Справиться с этой проблемой система потребительской кооперации самостоятельно не могла, требовалась эффективная работа правоохранительных органов.

В УК РСФСР 1926 г. к разряду должностных преступлений относилась статья 116 (присвоение или растрата), а к числу имущественных преступлений относилась статья 162 (хищение). Социалистическая собственность была провозглашена основой советской экономики. Неслучайно Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. определило общественную собственность (государственную, колхозную, кооперативную) основой советского строя, она признавалась свя-

щенной и неприкосновенной, а люди, покушавшиеся на общественную собственность, должны были рассматриваться как враги народа¹.

Однако судебная статистика свидетельствовала о том, что почти половина преступлений имущественного характера в 1930-х гг. была связана именно с хищениями государственного и общественного имущества [Твердюкова: 2008, С. 44].

Кроме того, за 1930-е гг. количество растратчиков и расхитителей неуклонно возрастало среди работников торговли. Огромные убытки от растрат и хищений, особенно в системе потребкооперации, заставляли руководство страны серьезно обеспокоиться. Ситуация выходила за рамки отдельных случаев, явление приобрело массовый характер. В целом по стране за 1937 г. было выявлено 325 млн руб. растрат и хищений [Дударь: 2010, С. 27].

Рост растрат и хищений во многом был обусловлен крайне мягкой политикой по отношению к злоупотреблениям различного рода в системе потребительской кооперации. Так, 9 октября 1936 г. от СНК СССР Правление Башсоюзполучило подписанное В.М. Молотовым постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях». Суть этого дополнения заключалась в том, что в случае мелкой недостачи, происшедшей у работника

¹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 476.

торговли впервые и притом вследствие неопытности, просчета или иных действий, не содержащих признаков уголовного преступления, на виновного могло налагаться администрацией торгового предприятия дисциплинарное взыскание, а возмещение убытка требовалось производить в общегражданском порядке¹.

Однако и в предшествующий период Башсоюз старался по возможности минимизировать статистику уголовных преступлений в своей системе. К примеру, Правление Стерлитамакского райпотребсоюза за три месяца 1936 г. объявило выговоры 9 председателям сельпо из 11 имевшихся в районе, при этом только на одного счетовода были переданы материалы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. Характерна реакция руководства потребкооперации республики на такие действия Стерлитамакского райпотребсоюза. Президиум Башсоюза счел, что такое массовое наложение взысканий председателям и счетоводам сельпо свидетельствует о бюрократическом подходе к делу, и что вместо оказания практической помощи сельпо в организации культурной советской торговли со стороны правления было заметно лишь голое администрирование. В результате 25 марта 1936 г. Башсоюз отменил все постановления правления Стерлитамакского райпотребсоюза в части наложения взысканий на работников сельпо как неправильные и явно бюрократические решения, после чего предложил обсудить все вопросы на расширенном совещании правления. Кроме того, данное постановление в качестве руководства к действию было разослано во все райпотребсоюзы республики².

За это время количество растрат и хищений в системе потребительской кооперации Башкирии увеличивалось и ко второму кварталу 1937 г. приняло угрожающий характер. По сравнению с 1 января 1937 г. задолженность по растратам и хищениям возросла к 1 апреля более чем на 500 тыс. руб. По отдельным райпотребсоюзам и сельпо допущенные растраты поглотили основную долю всех собственных оборотных средств, в результате чего они оказались перед большими финансовыми затруднениями. Произведенные ревизии во втором квартале 1937 г. продолжали вскрывать крупные растраты. В некоторых эпизодах речь шла о растратах десятков тысяч рублей. Например, по Топорнинскому райпотребсоюзу недостача одной только соли выразилась в 60 тыс. руб., по Иглинскому райпотребсоюзу

была зафиксирована растрата по оптовому складу в сумме 28 тыс. руб., которая образовалась вследствие присвоения денежных средств заведующим складом путем превышения цен на комбикорма³.

При всем этом угрожающем положении отмечалось бездействие, а порой даже потворство растратчикам со стороны райпотребсоюзов, как это было выявлено в Калтасинском, Бирском и Благоварском районах. Вместе с тем во многих райпотребсоюзах не было даже полного и точного учета всех растрат и хищений, не осуществлялось наблюдение за движением дел в судебно-следственных органах, что фиксировалось в Мелеузовском, Абзелиловском и Бузовьязовском районах. Из-за проблем с кадрами повсеместно допускался прием на работу бывших растратчиков. Делу своевременного взыскания сумм по выявленным растратам не уделялось должного внимания.

С точки зрения Башкирского обкома партии, основным условием ликвидации растрат и хищений должен был стать правильный подбор кадров и их политическое воспитание. Главное виделось не только в том, чтобы выявить и осудить преступника, но и в умении предупредить саму возможность хищений и растрат. Для этого было необходимо в первую очередь наладить контроль и создать условия, которые сделали бы невозможной преступную деятельность «врагов народа»⁴.

Политическое руководство республики поставило задачу полностью ликвидировать растраты и хищения, изгнать из кооперативных торговых предприятий жуликов и проходимцев, аферистов и мошенников. Это задачу предполагалось решить в кратчайший срок.

Растраты и хищения вообще являлись самым неблагоприятным участком в работе торговых организаций Башкирии. Для сравнения следует отметить, что в государственном секторе торговли растраты и хищения также фиксировались, но они были существенно ниже, чем в кооперативном секторе. К примеру, по Башторгу в целом растраты за девять месяцев 1936 г. достигли 526 тыс. руб. или 0,28 % к обороту. Наиболее пораженным растратами в системе государственной торговли был уфимский Пищеторг, где было растрчено 307 тыс. руб. или 58,3 % от всей суммы растрат Башторга⁵.

Однако положение с растратами в системе потребкооперации было еще безотраднее, где толь-

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ), Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 688. Л. 26.

² Там же, Д. 675. Л. 124.

³ Там же, Ф. 122. Оп. 17. Д. 618. Л. 128.

⁴ Там же, Л. 129.

⁵ Там же, Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 318. Л. 91.

ко за те же девять месяцев 1936 г. было выявлено растрат на сумму 1927 тыс. руб., что составило 1,2 % к обороту¹. Сколько-нибудь эффективных мероприятий по предупреждению растрат и хищений торговые организации не осуществляли. Наряду с этим нельзя не отметить, что судебные органы не всегда оказывали торговым организациям необходимое содействие в деле борьбы с растратами. В частности, не было налажено должным образом взыскание с растратчиков по исполнительным листам.

Вместе с тем от эффективной и слаженной работы прокуратуры, суда и судебных исполнителей зависело, с одной стороны, качество профилактики преступлений, с другой стороны, оперативность выявления растрат, хищений и установления виновных лиц. Кроме того, немаловажное значение имел срок прохождения дел о растратах и хищениях в судебно-следственных органах, а также процент взысканных сумм с осужденных по исполнительным листам. Проблема заключалась в том, что растраты и хищения в райпотребсоюзах, которые обслуживали отдельные районы республики, обладали комплексом специфических черт. Отличия коренились в самих причинах этого явления, в контингентах растратчиков, а также в методах, которыми они пользовались в своей преступной деятельности. Следовательно, построение целостной картины возможно только при обращении к материалам из районов как от самих райпотребсоюзов, так и от правоохранительных органов.

Колоссальный масштаб растрат и хищений вынудил прокуратуру республики принять ряд неординарных мер. В июне 1937 г. Прокурор Башкирской АССР Г.И. Хазов созвал совещание прокуроров районов, которое проходило в присутствии председателей райпотребсоюзов и касалось исключительно вопросов растрат и хищений в кооперативной торговле. Приведем несколько наиболее показательных примеров с мест.

В Мелеузовском районе на 1 января 1936 г. числилось растрат в объеме 29 тыс. руб., а на 1 января 1937 г. их количество достигло уже 39 тыс. руб. Большинство растрат произошло вследствие запутанного учета, когда бухгалтер списывал растраты, что выяснилось только в первом квартале 1937 г. Например, за одним изготовителем в 1936 г. числилось 6 тыс. руб., бухгалтер эти растраты не показывал, и только после снятия бухгалтера удалось выявить растраты².

Внезапных проверок по району в сельпо не было, что способствовало тому, что злоумышлен-

ники научились скрывать следы преступлений. Многие руководители кооперативных организаций считали, что борьба с растратами и хищениями в их системе – это удел органов прокуратуры и суда, а их роль ограничивается только передачей органам материалов, сообщений о зафиксированных растратах. В то же время с точки зрения Прокуратуры СССР борьба с растратами должна была прежде всего носить характер профилактики, то есть предупреждения. Бездеятельность в этой области умножала количество растрат, а отсюда и количество дел, которые кооперативные организации были вынуждены передавать в органы прокуратуры [Коган: 1938, С. 96].

Суммы не были взысканы по 17 эпизодам, так как растратчики или успевали сбежать, или у них не было денег. В Нордовке растраты образовались не за счет продавцов, а по вине председателя и счетовода. Председатель в течение трех лет воровал, а счетовод скрывал путем увеличения товарных остатков. Растрата производилась просто – выручку не сдавали в кассу, а присваивали себе. В то же время против простых продавцов дела не возбуждались, и характеристики не запрашивались.

В системе потребительской кооперации ощущался кадровый голод. Например, Наумов, растративший 7 тыс. руб., получил три года условно и продолжал работу, а директор культмага Огурцов растратил 1288 руб., однако был переведен на более ответственную работу в райпотребсоюз, где он растратил еще 388 руб. Большая растрата в пекарне образовалась за счет махинации с процентом припека. Кроме того, в пекарне систематически подмешивали в ржаную муку песок, а в пшеничный хлеб добавляли ржаную муку, вследствие такой манипуляции получалась своеобразная «экономия», которую похищали. По вопросу о взыскании сумм дело обстояло плохо. На 1937 г. в судебном исполнении находилось дел на 9428 руб., из которых за полгода удалось взыскать только 2580 руб.³

По Бирскому району на 1 января 1937 г. было зафиксировано растрат на сумму 60 тыс. руб., в течение пяти месяцев 1937 г. было выявлено еще 28 тыс. руб. В отличие от Мелеузовского района здесь за пять месяцев 1937 г. было проведено 98 ревизий, из них 61 внезапная, однако суммы выявлялись большие и не всегда с первого раза. Например, по Корнековскому сельпо кредитовался счетовод из правления, подписывал документы, продавец занимал деньги из коопхоза и этим дело прикрывал в момент ревизии⁴.

¹ Там же, Л. 94.

² Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 760. Л. 2.

³ Там же, Л. 3–4.

⁴ Там же, Л. 5.

Была организована конференция продавцов, на которой был поставлен вопрос о растратах, проведено три совещания руководителей сельпо, а также счетоводов. На весь район только Баженовское сельпо не имело ни одной растраты. В Базановском сельпо в растратах был уличен сам председатель: он покупал корм для скота (за сельпо числилась лошадь), но эту муку он съедал сам, а списывал на лошадь. Дело на него передали в прокуратуру, но решение оказалось мягким – закончилось административным взысканием.

В Чишминском сельпо в растратах был уличен бывший член партии Раников, предъявивший к тому же справку из райкома, что есть ходатайство о восстановлении в партии, а так как в сельпо были большие проблемы с кадрами, то его взяли на работу¹.

Среди методов хищений на первом плане была подделка документов – крали путем обмана при снятии остатков. Стоит подчеркнуть, что в целом по Советскому Союзу были нередки случаи, когда следователь, получив первичные данные с указанием на злоупотребление или присвоение материальных ценностей, совершенные должностным лицом в той или иной хозяйственной организации, вместо выяснения «главного» путем бухгалтерской проверки или экспертизы начинал производить бесчисленные допросы свидетелей. Вместе с тем показания свидетелей без подтверждения документальными данными, не могли являться доказательными уликами [Зонненберг: 1936, С. 46].

Был зафиксирован случай, когда в бутылки вместо водки наливали воду. Впрочем, об этом правоохранительные органы узнали довольно быстро после обращения покупателей, всего в сельпо успели разлить воды только на 600 руб.

Характерно, что в Бирском районе большинство дел о растратах за 1936 г. прошло по милиции. Так, из 41 дела народные следователи вели только 8 дел. Анализируя вопрос растрат и хищений, прокуратура отмечала беспечность и политическую близорукость со стороны райпотребсоюзов. Прокуратура несколько раз требовала данные об учете лиц, принимаемых на работу, но оказалось, что райпотребсоюзы не имеют справок с прежних мест работы своих сотрудников. Например, в ходе следствия выяснилось, что председатель Чишминского сельпо являлся исключенным из партии бывшим директором МТС, снятым с работы за подготовку поджога МТС².

Вместе с тем в вопросе затягивания дел в суде прокуратура зачастую винила суд. В районе работала молодая судья Самсонова, которая по неопытности существенно затянула сроки рассмотрения дел, всего на 1 апреля 1937 г. в суде находилось 120 дел. Требовались курсы для подготовки членов ревизионных комиссий, так как в районе даже председатели ревизионных комиссий были настолько безграмотными, что не могли даже подписаться под документом³.

В Калтасинском районе растраты, выявленные за 1936 и 1937 гг. только по трем сельпо, составили 70 тыс. руб. Главной причиной растрат был запутанный учет, а также низкая скорость рассмотрения дел следственными органами. За 1936 г. всего было осуждено семь человек по растратам 9100 руб., за 1937 г. – еще 10 человек за растрату 15 тыс. руб. В районе возникла проблема с судебным исполнением. Судебный исполнитель сбежал вместе с исполнительными листами за второе полугодие 1935 г. на сумму 1600 руб. Иск к Наркомату юстиции райпотребсоюз предъявить не решился. На июнь 1937 г. в судебном исполнении находились материалы по 20 делам на 22 700 руб. Кроме того, суд растерял часть дел за 1936 г., райпотребсоюзу пришлось их восстанавливать, а с апреля до середины июня 1937 г. в районе вообще не было судьи⁴.

В отношении профилактических мероприятий по линии прокуратуры собирались совещания председателей сельпо и ревизионных комиссий, в т. ч. одно с участием прокурора района. Дела в следствии находились долго потому, что материал в прокуратуру передавался плохо оформленный.

Среди характерных методов хищений следует выделить пример с растратой 19 тыс. руб. в момент работы сельсовета и лавочной комиссии по снятию остатков. Продавец записывал товар, итоги не подписывал, забирал документы домой, ночью проверял, недостающие товары дописывал, а утром приносил готовую ведомость подписать другим членам комиссии по снятию остатков. В районе отмечался ряд случаев, когда после совершения растрат симулировались ограбления. Помимо возбуждения уголовных дел работа ревизионных комиссий привела к снятию с работы 66 человек и роспуску четырех составов правлений сельпо.

Курсы для председателей сельпо в районе провести не смогли. Явку председателей ревизионных комиссий не обеспечили, так как многие из них работали учителями и посещать совещания

¹ Там же, Л. 5–6.

² Там же, Л. 7.

³ Там же, Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 307. Л. 26.

⁴ Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 760. Л. 8.

не могли. Прокуратура требовала от потребкооперации наладить учет, только после этого можно было вести успешный контроль над работниками прилавка, а контрольно-ревизионные комиссии быстро могли входить в курс дела.

По Топорнинскому райпотребсоюзу растрат на 1 января 1937 г. было выявлено в объеме 39 тыс. руб., а за пять месяцев 1937 г. было зафиксировано еще 11 случаев на сумму 11 231 руб.¹.

Топорнинский район считался одним из лучших с точки зрения ситуации с кадрами, здесь среди работников прилавка были комсомольцы и даже члены партии. Рядовых работников комплектовали из проверенных колхозников, обсуждали каждую кандидатуру на заседании сельсовета в присутствии председателя колхоза. Для ликвидации растрат проводили внезапные ревизии, только в мае 1937 г. таковых было 13. Наиболее пораженным в деле растрат было главное топорнинское сельпо, где была выявлена растрата 22 тыс. руб. Распутать это дело удалось только после смены бухгалтера. Прокурор района жаловался на работу суда, который, по его мнению, не выдерживал карательную политику. Действительно, по восьми делам за 1936 г. суд приговорил виновных к исправительно-трудовым работам, но это объяснялось тем, что это были беременные женщины или женщины с детьми. Например, Аминовой, растратившей 1800 руб., дали исправительно-трудовые работы, взыскали с нее 1 тыс. руб., после чего восстановили на работе. Взыскали не полностью, так как ей нечем было платить, а восстановили на работе, так как якобы первый раз она допустила растрату по неопытности. В течение двух месяцев она растратила еще 1 тыс. руб., после чего ее сняли с работы. Иногда растраты получались вследствие непрофессиональных действий работников. Например, Шаманав понес в банк сумму в 2 тыс. руб., а переправил, случайно 3 тыс. руб., так и получилась растрата².

У заведующего базой Аскарлова ревизия проводилась три раза и ничего не выявляла, а в четвертый раз обнаружили растрату сразу в 18 450 руб. При разбирательстве оказалось, что он был ранее судим, но свою судимость скрыл. Осужден он был в Уфе, но местным органам не было об этом известно. В районе проводились показательные процессы: в 1936 г. пять раз, за пять месяцев 1937 г. еще два раза. Было проведено совещание в райкоме партии работников потребкооперации по вопросам растрат и хищений, а также пропра-

батывалось указание Прокурора СССР А.Я. Вышинского о внезапных ревизиях.

В Татышлинском районе на 1 января 1937 г. растрат было выявлено на сумму 19 900 руб., из них два случая по райпотребсоюзу на 1600 руб. и 45 случаев по сельпо на 18 300 руб. За первый квартал 1937 г. было выявлено еще два случая на 16 729 руб.³.

Наиболее ярким примером стала растрата соли. Соль лежала с лета 1935 г. под открытым небом на железнодорожной станции, а когда железная дорога стала штрафовать потребкооперацию, то соль вывезли и свалили около загруженных кооперативных складов опять же под открытым небом. Председатель райпотребсоюза только в январе 1937 г. с представителем НКВД выявил недостачу соли в объеме семи вагонов. Этот пример говорит о явном пренебрежении со стороны райпотребсоюза к реализации соли, в результате чего возникали регулярные перебои в торговле. В результате только за 1936 г. в районах Башкирии из обследованных 74-х торговых точек потребкооперации в 25-и совершенно отсутствовала в продаже даже соль⁴.

Самая большая растрата была выявлена в Старобашевском сельпо в сумме 5110 руб. Продавец, являвшийся кандидатом в члены партии, готовился к инвентаризации, собирая деньги у колхозников, чтобы скрыть растрату. Выявить удалось после того, как заметили несоответствие объемов поступавших к нему больших партий товара и малой выручки.

Всего в районе по 19 делам был осужден 21 человек, из суммы 15 567 руб. удалось взыскать 7267 руб., остальная сумма не была взыскана, о чем был составлен акт судебного исполнителя. Из осужденных 18 человек были продавцами, 2 – председателями сельпо и один счетовод. По социальному происхождению – 14 середняков, 6 бедняков и один служащий. По партийности – один член партии и три комсомольца⁵.

В Шаранском райпотребсоюзе на 1 января 1937 г. имелось растрат на 13 900 руб., из них на сам райпотребсоюз пришлось три случая на сумму 2600 руб., и на сельпо – 9 случаев на 10 800 руб.

На 10 июня 1937 г. было выявлено по райпотребсоюзу еще 7 случаев на сумму 13600 руб., по сельпо – 26 случаев на сумму 22 300 руб. Всего на 10 июня 1937 г. растрат было зафиксировано

¹ Там же, Л. 9.

² Там же, Л. 10–11.

³ Там же, Л. 12.

⁴ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. XVI / сост. А. Б. Юнусова. Уфа, 2008. С. 272.

⁵ НАРБ, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 760. Л. 13.

на 49 200 руб. В районе отмечалась проблема с прохождением дел в суде (до 147 дней)¹.

Из специфических методов хищений можно отметить случай в Кишкинякском сельпо. Продавцы, уходя с работы, оставляли замки открытыми, когда сторож перед рассветом уходил, расхищали. Таким образом, была похищена денежная сумма в 2825 руб., при этом забирали с собой некоторые товары, чтобы скрыть преступление. По части исполнения также было не все благополучно. Так, из 49 тыс. руб., удалось взыскать только 9 тыс., так как у большинства растратчиков не было средств. Например, Кусалов, растративший 4 тыс. руб., не погасил ни копейки, но успел продать корову за 1 тыс. и скрылся, позже был задержан на железной дороге. Сигналы о растратах поступали, но ревизионные комиссии ничего сделать не смогли, счетоводы в потребительской кооперации менялись очень часто, в результате учет был крайне запутанным².

Приведенный нами обзор ситуации с растратами и хищениями из районов Башкирии дает возможность определить ряд общих проблем в работе правоохранительной системы. Во-первых, плохо обстояло дело со сроками расследования дел о растратах. Некоторые дела расследовались на протяжении нескольких месяцев, в то время как УПК обязывал завершать расследования в десятидневный срок. Во-вторых, качество расследований в большинстве случаев также было неудовлетворительным, особенно в части наложения ареста на имущество. В-третьих, слабой стороной следствия была обоснованность предъявления гражданских исков. Прокуроры районов крайне редко выступали в поддержку гражданских исков. Потребительская кооперация была заинтересована в том, чтобы был обеспечен иск, а для этого было необходимо накладывать арест на имущество. По УПК также было дозволено передавать имущество третьему лицу под расписку на хранение, но о применении данной меры в районах Башкирии данные в архивных документах отсутствуют.

Следует отметить, что за редким исключением председатели райпотребсоюзов ни лично, ни через представителей не участвовали в судебных разбирательствах. Следовательно, председатели не были в курсе того, что говорили свидетели и обвиняемые, поэтому не могли принимать верные организационные решения, особенно на периферии.

Главной проблемой гражданских исков в Башкирии были акты о несостоятельности. Этот до-

кумент давал право списывать растраты и хищения, однако в действительности акт давал также право прерывать давность взыскания, то есть, имея акт, можно было возобновить процесс. Акт о несостоятельности позволял, не пропуская сроки, сохранить гарантию взыскания денег, но в потребительской кооперации Башкирии, как правило, сразу после составления акта проводилось списание растрат.

Дело с исполнением судебных решений в Башкирии обстояло также плохо. Эта проблема была свойственна всей правовой системе РСФСР, исполнение судебных решений находилось не на должной высоте, а медленность исполнений ослабляла эффект вынесенных решений и подрывала авторитет суда [Жуковский: 1929, С. 774].

Прокуроры районов республики неоднократно безрезультатно просили Президиум Башглавсуда дать указание о немедленном аресте обвиняемых в растратах лиц сразу после возбуждения дела, однако в действительности пока дело разбиралось, они успевали скрыться, предварительно распродав скот и иное имущество.

Из практики советской прокуратуры за 1937 г. следовало, что при рассмотрении дел следователями не проявлялось должной инициативы по обеспечению гражданских исков, то есть по охране государственных интересов. Наложение ареста на имущество растратчика применялось лишь в 20 % случаях и в большинстве случаев с опозданием [Шлычков: 1938, С. 67].

Плохо обстояло дело с качеством материалов, которые передавались в прокуратуру из потребительской кооперации. К примеру, прокурор Краснокамского района докладывал, что пока шло следствие, из райпотребсоюза заявили, что материал неточный и его надо переделать. Указанная сумма растраты оказалась значительно ниже, в результате дело пришлось приостанавливать. В итоге разбирательство завершилось установлением факта оговора невиновного человека, от которого пытались избавиться недоброжелатели³.

Суды также разбирали дела слишком медленно, а наказания были зачастую слишком мягкими. Большинство дел о растратах расследовала милиция, хотя Г.И. Хазов давал указание, что дела должен вести народный следователь. В некоторых районах были перегибы иного характера. Так, в Бижбуляке привлекли к ответственности человека за растрату 1 руб. 23 коп., следствие вел прокурор, а суд приговорил виновного к 6 месяцам. В то же время из 200 пересмотренных дел о растратах и хищениях в кооперации по респуб-

¹ Там же, Л. 14.

² Там же, Л. 16.

³ Там же, Л. 34.

блике было прекращено 30 % за отсутствием состава преступления¹. Такое положение в работе правоохранительных органов Башкирии в 1930-х гг. согласуется со словами Прокурора СССР А.Я. Вышинского о том, что попавший в орбиту влияния следственного аппарата правоохранительных органов иногда подобен тому, кто попадает под автомобиль [Вышинский: 1934, С. 33].

На основании проведенных прокурорских проверок и работы контрольно-ревизионных комиссий в работе потребительской кооперации были осуществлены некоторые изменения. С четвертого квартала 1937 г. был введен потоварный количественный учет на всех складах райпотребсоюзов, краевых и областных союзов. Было запрещено покрывать обнаруженные при проверке недостатки товаров одних названий излишками по товарам других названий (так называемая пересортица). Во всех лавках сельпо был установлен обязательный пятидневный товарный массовый счет завмага с обязательной записью в этот счет ежедневных операций.

Низкая эффективность работы судебно-следственных органов, в частности прокуратуры, в расследовании имущественных преступлений в потребкооперации в совокупности с недостатками, в т. ч. и кадровыми, в самой потребкооперации привела к плачевным последствиям. Нормальное снабжение населения республики продовольствием и промтоварами было сорвано. Завершая совещание работников прокуратуры 15 июня 1937 г., Г.И. Хазов заявил: «Центросоюз дал директиву, чтобы с растратами покончить, а в Башкирии они только растут. Если так пойдет дальше, то мне самому придется сесть в тюрьму»².

В данный период снятые обвинения, оправдательные приговоры и изменения приговоров для политического руководства были свидетельством неудовлетворительного функционирования правоохранительных органов. Практика необоснованных привлечений к ответственности и необоснованных осуждений воспринималась как признак плохой работы следователей, прокуроров и судей [Соломон: 2008, С. 174]. В октябре 1937 г. за прямую защиту разоблаченных врагов народа, а также за засорение аппарата прокуратуры классово-чуждыми элементами решением бюро обкома ВКП(б) Прокурор Башкирской АССР Г.И. Хазов был снят с должности и исключен из партии, после чего покончил с собой.

Вместо концентрации усилий на захлестнувших потребкооперацию растратах и хищениях

Центросоюз в срывах товарооборота видел проявления «вредительства». По мнению председателя правления Центросоюза И.А. Зеленского именно «враги народа» тормозили товарооборот между городом и деревней, организовывали перебои в доставке товаров [Хаустов, Самуэльсон: 2010, С. 74].

Репрессии в Башкирии затронули торговые организации, в т. ч. и потребительскую кооперацию. В ходе поисков «шпионов» и «диверсантов» пострадали столь немногочисленные профессиональные кадры потребкооперации. А.А. Жданов на III Пленуме башкирского обкома ВКП(б) в октябре 1937 г. заявил, что ликвидация последствий «вредительства» в организациях Башкирии не начата, так как люди не выдвинуты вместо выгнанных³. Однако найти таких людей не представлялось возможным, так как по состоянию на 1937 г. лучшими работниками в торговле Башкирии были люди, которые получили опыт в 1920-е гг., работая, например, управляющими делами у нэпманов-миллионеров⁴. В декабре 1937 г. республиканский обком ВКП(б) инициировал кустовое совещание, на котором было констатировано, что перестройка работы правлений райпотребсоюзов и сельпо после ликвидации «вредительства» в системе потребкооперации идет крайне медленно, а план товарооборота не выполняется⁵.

Таким образом, растраты и хищения в кооперативной торговле Башкирии во второй половине 1930-х гг. поставили под угрозу финансовое состояние организаций потребительской кооперации, что выразилось в их неспособности наладить бесперебойную торговлю продуктами питания и промтоварами на территории республики. Привлеченные к исследованию архивные материалы позволили установить, что руководители потребкооперации в Башкирии своей кадровой политикой зачастую способствовали росту имущественных преступлений, а иногда и сами принимали активное участие в растратах и хищениях кооперативной собственности. Вместе с тем правоохранительные органы республики не смогли наладить эффективную борьбу с преступлениями в кооперативной торговле Башкирии, что выразилось в качестве расследований, в нарушениях сроков следствия. Немаловажным и крайне болезненным для потребкооперации был тот факт, что растроченные суммы взыскивались далеко не в полном объеме.

³ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. XVII / сост. А.Б. Юнусова. Уфа, 2008. С. 138.

⁴ Красная Башкирия. 1937. 21 ноября.

⁵ НАРБ, Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 2042. Л. 1.

¹ Там же, Л. 36.

² Там же, Л. 39.

Список литературы

1. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. 44 с.
2. Дударь Л.А. Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е – начало 40-х гг. XX века) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2. С. 23–30.
3. Жуковский Ф. Как улучшить исполнение судебных решений // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 33. С. 774–775.
4. Зонненберг Л. За высокое качество следственной работы по хозяйственным преступлениям, требующим производства бухгалтерской экспертизы // Социалистическая законность. 1936. № 11. С. 46–48.
5. Коган С. Борьба с растратами в кооперации и госторговле // Социалистическая законность. 1938. № 5. С. 96–99.
6. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. 464 с.
7. Твердюкова Е.Д. Борьба с хищениями в советской торговле в 1930-е годы (на материалах Ленинграда) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 3. С. 44–49.
8. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. 432 с.
9. Шлычков Н. Как не следует бороться с растратами // Социалистическая законность. 1938. № 11. С. 66–68.

Сведения об авторе

Антошкин Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 2». Стерлитамак, Россия. aav151284@rambler.ru

---

Magistra Vitae.

2017. No 2. P. 42–50.

FIGHTING AGAINST EMBEZZLEMENT IN COOPERATIVE TRADE IN BASHKIRIA IN THE SECOND HALF OF THE 1930 S

A. V. Antoshkin

Gimnasium No. 2, Sterlitamak, Russia. aav151284@rambler.ru

This article considers archive documents, which have never been scientifically analyzed before, dealing with the reasons for the growth of property and official crimes in cooperative trade in Bashkiria in the second half of the 1930s. It studies the role of cooperatives and law-enforcement authorities in fighting against embezzlement. It pays particular attention to the effectiveness of preventive work, the speed and quality of embezzlement cases investigation. The study has found out that there was a whole set of factors that contributed to the growth of embezzlement. On the one hand, the personnel policy in the consumers' cooperation system together with the low qualifications of auditing commissions members created a fertile ground for the growth of property and official crimes in cooperative trade. On the other hand, the poor results of the work of law-enforcement agencies in Bashkiria did not allow achieving the recovery of money from convicts, which led cooperative trading bodies in many areas of Bashkiria into a very hard financial situation.

Keywords: *embezzlement, cooperative trade, raypotrebsoyuz, selpo, procurator's supervision, executory process, auditing commissions, Bashkiria.*

References

1. Vyshinsky, A. Y. (1934). *Revolutsionnaya zakonnost' i zadachi sovetskoy zashchity* [The revolutionary legality and the objectives of the Soviet defence]. 44 p. Moscow. (In Russ.).

2. Dudar, L. A. (2010). Rastraty i khishcheniya v dal'nevostochnoy torgovle (30-e – nachalo 40-kh gg. XX veka) [Embezzlement and theft in trade in the Far East (the 1930s – early 1940s)], *Oyкуmena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2, pp. 23–30. (In Russ.).
3. Zhukovsky, F. (1929). Kak uluchshit' ispolnenie sudebnykh resheniy [How to improve the execution of judgement], *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*, 33, pp. 774–775. (In Russ.).
4. Zonnenberg, L. (1936). Za vysokoe kachestvo sledstvennoy raboty po khozyaystvennym prestupleniyam, trebuyushchim proizvodstva bukhgalterskoy ekspertizy [Striving for the high quality of the investigatory work on economical crimes which need expert examination of accounts], *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 11, pp. 46–48. (In Russ.).
5. Kogan, S. (2008). Bor'ba s rastratami v kooperatsii i gostorgovle [Fighting embezzlement in cooperation and state-owned trade]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1938, no. 5, pp. 96–99. (In Russ.).
6. Solomon, P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [The Soviet justice under Stalin's rule]. 466 p. Moscow. (In Russ.).
7. Tverdyukova, Y. D. (2008). Bor'ba s khishcheniyami v sovetskoy torgovle v 1930-e gody (na materialakh Leningrada) [Fighting embezzlement in the Soviet trade in the 1930s (based on sources from Leningrad)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2, pp. 44–49. (In Russ.).
8. Khaustov, B., Samuelson L. (2010). Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. [Stalin, the People's Commissariat of Internal Affairs and persecution of 1936–1938]. 432 p. Moscow. (In Russ.).
9. Shlychkov, N. (1938). Kak ne sleduet borot'sya s rastratami [How it will not do to fight embezzlement]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 11, pp. 66–68. (In Russ.).